

УДК 271.22(571.54/.55)(091)

Государственная модернизация старообрядческих институтов Забайкалья в XIX в. как фактор методики формирования правосознания

И. А. Арзуманов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Институты старообрядчества Забайкалья являлись одним из основных субэтнических элементов этноконфессионального пространства и объектом государственного управления. Унификационные интенции Российской империи реализовались не только посредством силовых методов искоренения идеологического противостояния государственной церкви синодального периода. Одной из оптимальных форм снятия идеологического противостояния были институты единоверия. Процессы, связанные с их формированием в Забайкалье, свидетельствовали, с одной стороны, о характере правовой и административно-исполнительной политики государства, а с другой – о стремлении части старообрядцев к упорядочению духовно-нравственной жизни и восстановлению институтов священства. Современные процессы, связанные с институтами единоверия, свидетельствуют о тотальном переосмыслении природы этнокультурной и литургической традиций старообрядчества, рассматриваемых иерархией РПЦ МП в качестве источника литургических традиций и церковной культуры в целом.

Ключевые слова: империя, православие, православная церковь, старообрядчество, единоверие, Иркутская губерния, Забайкальский край, правосознание.

На современном этапе формирования вероисповедной политики России актуализируются вопросы о природе государственного регулирования этноконфессиональных отношений как элемента общесоциального управления и контроля. Ставится вопрос о методологическом дискурсе, основанном на цивилизационном подходе к проблемам понимания природы государственного регулирования и управления этноконфессиональными общественными отношениями в контексте методики реализации интеграционной и унификационной функций государства.

На первый план выдвигаются проблемы теоретико-методологических и историко-правовых аспектов государственного регулирования идеологической сферы общественных отношений, базовым, цивилизационно-культурным кодом которой является религиозный компонент.

Последнее определяет этноконфессиональные формы правосознания в качестве детерминант процессов формирования политической лояльности как фактора социокультурной стабильности империи в Восточно-Сибирском регионе.

В Байкальский регион входят территории трех субъектов РФ – Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Исторически данные тер-

ритории понимались как часть Восточной Сибири и имели различные административно-территориальные маркировки. Байкальский регион – территория цивилизационного трансграничья между Россией и странами Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР – Монголии, Южной Кореи, Китая, Японии и др.).

Этноконфессиональные общественные отношения как объект государственного регулирования специфичны. В условиях Байкальского региона данное обстоятельство касается имперских параметров национальной политики и процессов формирования этноконфессиональных страт мировых религий – христианства и буддизма. Региональные институты христианства имперского периода были представлены в различных конфессиональных проекциях – от православия до протестантизма. Предметом данного исследования являются процессы, связанные с попытками модернизации старообрядческих согласий с участием синодальной ветви Русской православной церкви и государства.

В фондах Государственного архива Иркутской области имеются материалы, иллюстрирующие данные процессы на примере попыток создания во второй пол. XIX в. единоверческого прихода среди старообрядцев Мухоршибирской волости. Оценка вопроса о природе единоверия имеет двойственный характер. Изначально единоверие возникло как попытка примирения и воссоединения расколотов в результате реформ XVII в. православной церкви. Одним из ключевых положений были условия сохранения старых обрядов и права выбора старообрядцами-общинниками священника по своему усмотрению, но с общим подчинением иерархии господствующей синодальной церкви.

В европейской части страны процессы воссоединения решались в контексте общей политики государства по нивелировке раскола церкви. К началу XIX в. сложились и высказывались различные мнения о роли структур единоверия в этих процессах. Необходимо отметить, что вместе с полным отрицанием необходимости единоверия как «промежуточного» института в процессах преодоления раскола наличествовало также и осознание доктринальной «ничтожности» обрядовых различий, лежащих, по мнению большинства исследователей, в основе причин раскола русской церкви. Положительной оценки единоверия придерживались, как известно, и такие выдающиеся архиереи Русской православной церкви XIX в., как митрополит Московский Филарет, митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов).

Достаточно любопытной выглядит и аналитика региональных аспектов данной проблемы. В общей справке о раскольниках отмечалось, что противниками единения с синодальной церковью посредством единоверия были «грамотные уставщики, закоснелые в своем убеждении, не говоря уже о предрасудках. В каждом селении есть несколько таких людей, пользующихся неограниченным доверием своих собратий» [1, л. 33–33 об.]. Нельзя не отметить проницательную оценку сущности старообрядчества поповского толка, данную в этой справке. Безымянный автор справки писал: «Поповцы не вредная секта; они приемлют священство и молятся за Царя и потому не суть раскольники, а только последователи старой Веры, принимающие в руководство Священные и

Церковные книги в том виде, в каком они были во дни первых пяти Патриархов Российских. Все разногласия с нами в словах, речениях и знаках» [1, л. 32].

Рассматриваемый региональный пример попыток формирования единоверческих приходов вполне отражает данный спектр мнений и специфику процессов, связанную прежде всего со значением старообрядческих общин в условиях геополитического трансграничья империи. В Забайкалье данный вопрос решался усилиями региональных и центральных структур светского и церковного управления краем. По данным губернской администрации, к началу второй пол. XIX в. в Верхнеудинском округе Забайкальской области Иркутской губернии проживало более 35 тыс. раскольников. Из них: приемлющих священство: мужчин – 11 039, женщин – 11 150; беспоповцев, признающих брак: мужчин – 16, женщин – 23; беспоповцев, не признающих брак: мужчин – 435, женщин – 391; субботников: мужчин – 637, женщин – 425; скопцов: мужчин – 12, женщин – 1 [1, л. 30]. Таким образом, самую значительную часть из раскольников представляли старообрядцы-поповцы, проживающие преимущественно в четырех волостях по системам рек Селенга, Хилка и Чикой. Они и являлись основным объектом государственного управления в этноконфессиональной сфере общественных отношений.

27 августа 1856 г. исправляющий должность Забайкальского военного губернатора полковник Корсаков писал председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири о рапорте Верхнеудинского земского исправника, коллежского советника Беклемишева. В рапорте Беклемишева говорилось о желании раскольников одной из 4 волостей (а именно Мухоршибирской) «в числе 3690 душ обоего пола» соединиться «со Св. Церковью».

Высказанная в рапорте позиция подтверждалась наличием общего согласия, выраженного также и уставщиками старообрядческих общин Мухоршибирской волости. Рапорт сопровождался соответствующей просьбой старообрядцев на имя Его Императорского Величества. Полковник Корсаков отмечал также, что «решение Мухоршибирской волости сделаться единоверцами тем более оказывается важным, что волость эта составляет по своему положению центр раскольников, живущих в Верхнеудинском округе» [1, л. 1–2]. Председательствующий в Совете Главного управления генерал-лейтенант Венцель, в свою очередь, представил свое мнение генерал-губернатору Восточной Сибири, сопроводив его также и мнением «по сему предмету» Афанасия, архиепископа Иркутского и Нерчинского, не находящего «никаких препятствий на присоединение раскольников к единоверию с избранием священника по их желанию» [1, л. 3, 3 об.]. В частности, архиепископ Афанасий писал о том, что старообрядцы, испрашивая у гражданского начальства соизволения на поиски старообрядческого священства среди рогожского духовенства, тем не менее не упоминают о единоверии. Возникшая ситуация отчасти объясняется тем, что Рогожский старообрядческий храм стал единоверческим только в 1850 г. Архиепископ Афанасий отмечает, «что в просьбе раскольники пишут, чтобы Священник совершал Богослужение без малейшего от них (раскольников) отступления и вовсе не упоминают о Единоверии».

Лишь одна община упоминала о единоверии. Это была община селения Никольское, «в котором значится душ мужского пола 602 и женского пола 586, а всего 1178», именной список «составлен, как значится в заглавии онаго именно по принятии Единоверия, так что раскольники Никольского селения, приняв Единоверие, по самому числу своему могут составить немалый Единоверческий приход» и иметь сильное влияние «на других раскольников, хотя бы сии и иначе понимали и толковали свою просьбу» [1, л. 10].

Таким образом, часть старообрядцев могла не знать о факте передачи Рогожского храма в Москве единоверческим структурам, что повлекло в дальнейшем ряд последствий. Как отмечает архиепископ Афанасий, в самом письме старообрядцев не обозначены ключевые моменты весьма важного в данном случае свойства – «о желании раскольников иметь Священника, зависимого от Духовного Начальства, принять единоверие ясно не говорится, но, несмотря на такой недостаток, ясность может быть и должна быть понимаема и в том смысле, что раскольники действительно желают принять единоверие и Священника, зависимого от Духовного Начальства, так как они ясно выражают мнение иметь такого Священника, который бы совершал Богослужение на тех же основаниях и без малейшего от них отступления, как и в Москве при Рогожской Церкви в настоящее время» [Там же].

Несмотря на неясность позиции большинства старообрядцев, высокопреосвященный Афанасий настаивал на немедленной даче делу надлежащего хода, выражая уверенность в правильности своей позиции по никольским старообрядцам. В ответе министра внутренних дел С. Ланского от 14 ноября 1856 г. на письмо генерал-губернатора Восточной Сибири Н. М. Муравьева по делу о мухоршибирских раскольниках отмечена структура органов, в силу своей компетенции имеющих самое непосредственное отношение к его дальнейшему разрешению. Так, министр внутренних дел сообщал, что он «входил в сношение по сему предмету» с обер-прокурором Святейшего синода графом Толстым, уведомившим его о том, что Святейший синод «признает возможным удовлетворить вышеизложенной их просьбе, с тем однако же, чтобы в выборе Священника принял участие Преосвященный митрополит Московский» [Там же]. Святейший синод предписал «Преосвященному Иркутскому принять надлежащие меры к поддержанию изъявленного упомянутыми раскольниками намерения и укреплению их в оном, а Преосвященный Митрополит Филарет предуведомлен о сем зависящим с его стороны распоряжением». Министр просил Н. М. Муравьева «оказать со своей стороны Преосвященному Иркутскому возможное содействие к поддержанию благого намерения раскольников Мухоршибирской волости». В свою очередь генерал-губернатор уведомил о ходе дела исправляющего должность Забайкальского военного губернатора полковника Корсакова, озадачив его непосредственным исполнением решений гражданского и церковного начальства [1, л. 13, 14]. Из дальнейшей переписки выясняется, что доверенный от раскольников Мухоршибирской волости Хонхойского селения Феофан Горюнов, который был отправлен в Россию за приспосабливанием священника, возвратился оттуда в мае 1857 г., «не отыскав» последнего. При этом управляющий областью коллежский советник Лохвицкий в

письме на имя председательствующего в Совете Главного управления Восточной Сибири отмечал, что «раскольники остаются при прежнем своем желании иметь Священника из Рогожского Кладбища... просят разрешить им пригласить Священника из России» [1, л. 21, 21 об.].

Министр внутренних дел С. Ланской 11 января 1857 г., уведомляя Н. М. Муравьева о первых результатах данного дела, сообщал, в частности, что просил Московского военного губернатора оказать содействие митрополиту Московскому в возложенном на него Святейшим синодом поручении «относительно избрания Священника для изъявивших желание послужить Единоверию раскольников Забайкальской области Мухоршибирской волости». Но среди духовенства Рогожской единоверческой церкви по сведениям, полученным Московским военным губернатором от преосвященного Филарета, «доверенный от означенных раскольников не мог в Москве достигнуть своего желания» [1, л. 18, 18 об.].

Вопрос о месте «происхождения» священника для старообрядцев Мухоршибирской волости был принципиальным. В обстоятельстве отказа старообрядцев от священника, «зависимого от духовного начальства Иркутской епархии», подтверждаются опасения, высказанные преосвященным Афанасием, предупреждавшим о возможных недоразумениях в связи с изначальным отсутствием в данном вопросе желаемой ясности (происшедшей, по предположению пресвященного Афанасия, «от известной простоты просителей») [1, л. 10]. Отсутствие со стороны старообрядцев единого подхода к вопросу о юрисдикции желаемого священника ставило местную иерархию в достаточно трудное положение и требовало, по словам преосвященного Афанасия, «чтобы имеющие быть означенными в содействовании были люди благоразумные и благонамеренные, и вообще по всему вполне благонадежные, чтобы своими действиями не напугали и не расстроили раскольников» [1, л. 17, 17 об.].

Дальнейшие действия по изысканию кандидатуры единоверческого священника были связаны как с синодальным, так и с епархиальным уровнями. Согласно письму министра внутренних дел С. Ланского от 24 января 1858 г. на имя генерал-губернатора Восточной Сибири, Святейший синод предписал преосвященному Иркутскому доставить дальнейшие сведения относительно избрания для жителей Мухоршибирской волости священника и «поручал Преосвященному Ярославскому предложить наиболее способных из находящихся в вверенной ему епархии единоверческих Священников». Таковым оказался «вполне одобряемый Епархиальным Начальством Романово-Борисоглебской Единоверческой Церкви Священник Роман Нечаев» [1, л. 23, 24]. Как отмечается в письме министра внутренних дел С. Ланского генерал-губернатору Восточной Сибири от 24 января 1858 г., Святейшим синодом было сделано распоряжение об отправке Нечаева к «Преосвященному Иркутскому с тем, чтобы Преосвященный предложил Мухоршибирским раскольникам не пожелают ли они принять Нечаева к себе в священники» [1, л. 21, 21 об.]. Об этом в свою очередь Н. М. Муравьев извещал преосвященного Евсевия (сменившего в 1857 г. на Иркутской кафедре епископа Афанасия) [1, л. 25, 26].

Священник Роман Нечаев по прибытии в Мухоршибирскую волость расположился в селе Никольском. Как извещал управляющий Областной канцелярией в своем донесении председательствующему в Совете Главного управления Восточной Сибири, Роман Нечаев счел «необходимым предварительно ознакомиться с старообрядцами и вместе с тем ознакомить их с собою» [1, л. 27, 28]. Было произведено распоряжение о том, чтобы «местный заседатель в случае, если старообрядцы воспрепятствуют ему производить в часовнях» сих службу, оказал с своей стороны Священнику Нечаеву надлежащее содействие» [Там же]. Вместе с тем в обязанность местному заседателю было поставлено, чтобы «оказание содействия Священнику Нечаеву произведено было с должным благоразумием и осторожностью, без допущения каких-либо насильственных мер, стараясь убеждениями достигать благоприятных результатов» [Там же].

Процесс приобщения к единоверию имел осложнения. К основным причинам их возникновения губернская администрация относилась сопротивление уставщиков, общую косность и упорство старообрядцев. Большая часть старообрядцев мотивировала свой отказ от священника Романа Нечаева тем, что выборщики, отправленные в Россию за священником, приехали без него. Более того, само единоверие рассматривалось как фактор принадлежности к иерархии синодальной церкви.

Завершая краткий обзор попыток государственной модернизации старообрядческих институтов Забайкалья в XIX в., необходимо отметить, что на современном этапе данные процессы актуализируются со стороны Русской православной церкви МП. Методика основана, прежде всего, на снятии канонических «прещений» в отношении старообрядчества в целом со стороны РПЦ МП. Более того, традиции и обряды старообрядчества рассматриваются иерархами РПЦ МП в качестве источника возрождения религиозного духа и литургической культуры. Например, митрополит Волоколамский Илларион, председатель ОВЦС РПЦ МП, высказался по этому поводу следующим образом: «Старый обряд в определенном смысле является эталоном для церковной жизни, для литургического творчества. Когда мы участвуем в богослужении по старому обряду, мы не только узнаем, как молились наши предки, но еще и узнаем нечто важное о том, как нужно молиться и что такое церковное литургическое творчество в рамках церковных канонов» [2]. Но, отмечая данный факт, необходимо иметь в виду и то, что на сегодняшний день сложившиеся этнотрадиции старообрядчества презентуют себя в качестве самостоятельной ветви этнокультуры страны.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф 24. Оп. 9. Д. 2.
2. Митрополит Корнилий посетил юбилей Отдела внешних церковных связей РПЦ МП [Электронный ресурс] // Русская Православная Старообрядческая Церковь : сайт. — URL: <http://rpsc.ru/news/mitropolit-kornilij-posetil-yubilej-otdela-vneshnih-tserkovnyh-svyazej-rpts-mp/> (дата обращения: 11.11.2016).

State Modernization of the Trans-Baikal Old Believers' Institutions in the XIX Century as a Factor of the Development of Sense of Justice

I. A. Arzumanov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The institutions of the Old Believers were one of the main sub-ethnic components of the ethno-confessional entity and the object of state administration in the Trans-Baikal region. The unification intentions of the Russian empire were realized not only through the use of force eradicating ideological confrontation of the State Church of the Synodal period. The institutions of Edinoverie were one of the most effective methods of removing ideological confrontation. The processes associated with the formation of these institutions in the Trans-Baikal region showed, on the one hand, the nature of legal and administrative executive policy of the state, and, on the other hand, the intention of some Old Believers to regulate their spiritual and moral life and to restore the institutes of priesthood. Today's processes related to the institutions of Edinoverie are illustrative of total rethinking of the nature of ethno-cultural and liturgical traditions of the Old Believers, which are now considered to be a source of liturgical traditions and of the Church culture in general by the hierarchy of the Russian Orthodox Church.

Keywords: empire, Orthodoxy, the Orthodox Church, Old Believers, Edinoverie, Irkutsk Province, Trans-Baikal Territory, sense of justice.

Арзуманов Игорь Ашотович

*кандидат философских наук, доктор
культурологии, кафедра теории и
истории государства и права,*

Юридический институт

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)334372

e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich

Candidate of Sciences (Philosophy),

Doctor of Sciences (Culturology),

Department of Theory and History of State

and Law, Law Institute

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)334372

e-mail: arzumanov@mail.ru